

Дмитрий Тагунов

Меня нет

Дмитрий Тагунов

Меня нет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34394824

ISBN 9785449098085

Аннотация

В данный сборник вошли рассказы, написанные в самых разных жанрах. На страницах этой книги вас ждут опасности далёкого космоса, пустыни Марса, улицы пиратского Плимута, встречи с драконами и проявления мистических сил. Одни рассказы наполнены драмой, другие написаны с юмором. Некоторые из представленных работ сам автор считает лучшими в своём творческом багаже.

Содержание

Записки марсобойщика	5
Запись первая: За свободу	5
Запись вторая: Свободная любовь	39
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Меня нет

Дмитрий Тагунов

© Дмитрий Тагунов, 2018

ISBN 978-5-4490-9808-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Записки марсобойщика

Запись первая: За свободу

– Чего нельзя сделать в космосе?

– Повеситься.

**Команда КВН Харьковского авиационного
института**

– И всё-таки будь осторожен. – Волнение дяди Толи было искренним, хотя по его суровому виду вообще сложно определить, что его хоть что-то беспокоит. Огромный, широкоплечий, с блестящей лысиной: не человек – слон! Да и называть его дядей Толей к чёрной зависти других мог только один человек, Павел Манякин, марсобойщик со стажем, едва-едва закончивший реабилитацию на Земле и снова собирающийся на красную планету, будь она трижды проклята.

– Меня палкой не убьёшь, – заверил Павел, не понимая тревоги старого знакомого. Давний друг отца, Анатолий Юрьевич опекал Павла, но не чинил ему преград в выборе собственного пути.

Анатолий Юрьевич видел в молодом мужчине ту же решительность, что и у его отца, ту же твёрдость в принятии решений. И то же безрассудное бесстрашие. Ну как объяснить

ему, как намекнуть на то, чего пока и сам толком не понимаешь? Предчувствие? Плевать он хотел на предчувствия...

– И всё-таки побереги себя, – сказал дядя Толя. – Не ввязывайся ни во что. Понял?

– А зарабатывать как?

Ага. Здоровый скепсис, не более.

– В компанию наймись. К тем же «Марсинкам» пойди.

– У меня своя фирма, – отрезал Павел.

И не поспоришь с ним.

Они прошли по коридору: Павел мягко ступал потёртыми кроссовками по ковру, дядя Толя грузно переваливался, чеканя шаг. За дверью на них от компьютера подняла преданный взгляд секретарша. Хотела что-то сказать, но Анатолий Юрьевич остановил её, махнув ладонью – сейчас, сейчас!

Секретарша искоса посмотрела на Павла. Редкий гость, и до чего не похож на других посетителей! Высокий шатен с серьёзным, обветренным лицом. Нос с едва заметной горбинкой. Сине-серые глаза. Отливающий синевой подбородок. Короткие зачёсанные назад волосы. Осанка прямая, но оттого человек казался напряжённым. Наметившийся живот обтягивал старый свитер с полосками-лесенками. Ниже до кроссовок просторные неэластичные штаны.

Гостю почти тридцать, но с Анатолием Юрьевичем, между прочим, директором крупной транспортной компании, он общался не вспоминая о субординации. Станный человек, в общем.

– Пойду, – сказал Манякин, развернувшись к застывшему директору. Тот молча протянул медвежью ладонь, крепко пожал Павлу руку, кивнул и, не прощаясь, снова исчез в коридоре.

– А... – позвала опомнившаяся секретарша, но слишком поздно.

– Всего доброго, – кивнул в её сторону гость, бесшумно прошествовав мимо.

Гравитация начала нарастать, и значит, началось торможение. Павел отстегнул удерживающие ремни, скомкал одеяло и осторожно поднялся с койки, пробуя своё тело. Путь до Марса в это время года составлял две недели. Из них дней десять в невесомости. Дезориентация, приток крови к голове, шумы в сердце. Та ещё болтанка для организма! А теперь, развернувшись брюхом к приближающейся планете, космолёт постепенно, но неуклонно сбрасывал скорость.

Павла качнуло. Голова закружилась.

Ох, что же на Марсе начнётся...

Опять привыкать к низкой гравитации. И к своим тридцати четырём килограммам веса, в которые превратились земные девяносто. Сейчас, впрочем, нагрузка составляла где-то половину земной и продолжала нарастать.

Раскинув руки и держась за стенки, марсобойщик про-

шаркал в коридор и направился в кабину пилотов. В узком коридоре было сумрачно, но это ненадолго – скоро здесь всё оживёт, повыезят из анабиоза немногочисленные члены экипажа, а там, уже на Марсе, полезут и пассажиры. Коих на грузовом судне тоже не много.

Уже давно повелось – кораблём управляют два пилота и, иногда, штурман. Когда-то ещё прилагалось с десятков стюардесс, которые следили за системами анабиоза и помогали пассажирам, но потом их число как-то незаметно сократилось до двух, работавших посменно. А больше, действительно, и не надо. По-честному, на весь корабль хватило бы и двух пилотов.

В кабине как раз сидел один из них. Вольготно раскинулся в кресле, вытянув ноги и посасывая через трубочку полутёплый кофе из плотного термального пакета. Когда пискнула дверь за спиной, он даже не обернулся.

– Чего не спится? – буркнул не то недовольно, не то сонливо.

– Тормозим, – лаконично ответил Павел, осторожно опуская себя во второе кресло. На экранах застыл Марс. Когда Павел заходил в прошлый раз, планета походила на далёкую розовую каплю. Теперь же – вполне себе красный грейпфрут. С неширокими спиральями циклонов, крутящимися над планетой блёклыми снежинками. С тёмными пятнами полей и долин Северного полушария. С реками и мелкими озёрами, исчезающими ближе к экватору.

Холодный, таинственный, тихий.

Марс...

– Чего-то медленно тормозим, – задумчиво сказал марсобойщик, не очень рассчитывая на ответ. Он бы вполне спокойно перенёс нагрузку и в два g, и в три. Хотелось проверить своё тело. Пусть телу это и не понравится...

– Угу, – промычал пилот в трубочку. – Разогнались до двухсот тысяч в час, а тебе быстрый сброс подавай. Расплющит тебя как лягушку.

– Да знаю я, Саш.

– А чего тогда?..

– Не выспался, – вздохнул Павел. Александр Семёнов, пилот первой космической категории, оторвался от кофе и со скучающим видом пощёлкал по приборной панели. Марсобойщик ощутил, что его тело потяжелело килограммов на пятнадцать, и в сомнении глянул на компаньона. Меняет схему торможения? Тоже надоела эта кутерьма с невесомостью?

– Иди, поспи пока, – пробурчал Александр, искоса посмотрев на назойливого пассажира. – Скоро танцевать начнём вокруг планеты, отдыхать уже некогда будет.

– Не хочу.

– Блин, вот угораздило же! И чего тебе в анабиозе не лежалось?

– Да не действует на меня эта психотропная хрень, – в сердцах сказал Павел. – Я бы и с радостью проспал весь

путь! Против я, что ли? Но не получается. Не могу.

Пилот хоть и делал вид, что сердится, но Павел понимал – ему тоже скучно, и он не против знакомства с простоватым и тихим марсобойщиком. Всё равно второй пилот в анабиозе, так ведь и поболтать не с кем. Конечно, после стольких перелётов между планетами привыкаешь к работе в одиночестве, и поначалу шатающийся по кораблю человек вызывал раздражение. А теперь вот сидит в соседнем кресле, ненавязчиво бухтит чего-то про недостатки своего мозга, а вроде и выгонять его не хочется, пусть сидит, бухтит. И кабина кажется даже уютной, чтоб её уже закоротило...

– У тебя, кстати, датчик первого двигателя барахлит, – вдруг заметил Павел, указав пальцем на приборную панель.

– Да знаю я, третий день уже мигает. До планеты как-нибудь долетим и без датчика, ничего с нами не сделается. Там поменяем... – Александра вдруг осенило. – А ты как определил? Понимаешь что-то? Учился? Сам летал, может?

– Не учился, – покачал головой марсобойщик. – А полетать один раз довелось, больше не хочу.

– А что так?

– Не хочу, – с нажимом повторил Павел и надолго замолчал. Пилот почувствовал его внезапное напряжение и не стал допытываться. Ну, не хочет человек, чего его тормозить?

А Павел вспоминал.

Первый и последний свой самостоятельный полёт. Случилось это семнадцать лет назад, когда российский косми-

ческий лайнер класса «Енисей» вот точно так же выходил на орбиту Марса. За штурвалами тогда сидели второй пилот Анатолий Юрьевич Мягков и Пашин отец, пилот первой категории Антон Викторович Манякин. Пашка крутился тогда в третьем штурманском кресле, стараясь не особо отвлекать отца. Тот о чём-то тихо переговаривался с дядей Толей и настраивал пеленги с наземных маяков.

Марс приближался. Сперва размером с футбольный мяч, он рос, ширился, раздувался, раскрывая объёты. Нос корабля постепенно уходил вверх, лайнер входил в атмосферу. Впереди громоздились облака.

– Поверхности не видно, – неодобрительно цыкнул Анатолий Юрьевич, хмуро глядя на приближающуюся гущу туч. Так смотрят на препятствие, которое надо во что бы то ни стало преодолеть. Оценивающе смотрят.

Паша перевёл взгляд на папу.

– Пойдём по сигналу, – сказал тот.

– Дохлый твой сигнал! – негромко, но злобно пробасил дядя Толя. – За бортом ветер метров тридцать, ты на приборы-то смотрел?

– Смотрел. – Отец само спокойствие.

– Метеоцентр передал данные по грозе. Опасно это, Тоха. Опасно, говорю!

– Я его посажу...

– Носом в землю! К чёрту всё, давай на Сырте сядем? До Ломоносова поезда ходят. Ну, поворчат пассажиры, зато

корабль целый останется. Ну?

– Я его посажу.

– Тьфу, упёртый! – Дядя Толя немного попыхтел, поворчал, но всё же сдался. – Тогда командуй, командир.

Паша заметил, как папа усмехнулся. Почти незаметно, одним уголком рта.

– Форсируй, идём вниз, – спокойным голосом отдал он приказ.

И нахлынула тёмная пелена, обтекая фюзеляж корабля. Из приглушённого динамика слышались злобные, угрожающие шумы бушующей атмосферы. Ветры выли низкими голосами, обрывающимися перед раскатами. В полумраке, транслируемом мониторами, просыпались неясные вспышки молний, и тогда динамик начинал хрипеть, заходясь громыхающим кашлем.

– Выруби ты эту какофонию, – не выдержал дядя Толя, смахивая пот со лба. – Мешает. – Он пробежался взглядом по приборам. – У нас обшивка обледенела.

– Я вижу.

– Закрылки заедают...

– Вижу. Сейчас клапаны открою, прогреем. – Лайнер слегка качнуло, пол под ногами словно бы потянуло вниз, отчего в животе всё неприятно сжалось. И тут же всё пришло в норму. Пилот обернулся к сыну и заметил, как побледнело лицо ребёнка. – Ты как? Нормально? Не тошнит?

Паша отрыл было рот, но ответить уже не успел. На мо-

ниторах вспыхнуло, да так, что все предыдущие молнии показались лишь вялыми всполохами. Лайнер дёрнулся. Взорвался проклятьями разрываемого воздуха внешний динамик. Заискрилась приборная панель, откуда-то пошёл дым. Лайнер снова дёрнулся, безжизненно соскальзывая с траектории. Медленно и тягуче гасли мониторы, погружая кабину во тьму.

Пашка закашлялся, наглотавшись дыма, и отстегнул себя от кресла. Под ногами начал нарастать звук просыпающихся приборов, загудел запасной генератор вместо сгоревшего основного. Неожиданно вспыхнула над головой лампочка резко-оранжевого аварийного света.

Мальчик, нетвёрдо шагая, подошёл к креслам пилотов. Глянул на дядю Толю – тот лежал без сознания. Щёки второго пилота окрасились багровым от электрического удара, но он дышал, это было видно.

Папа в соседнем кресле тоже не шевелился. Паша взял его правую руку, сложил пальцы в кулак, попробовал найти пульс.

И вскинул полный ужаса взгляд на лицо отца. Мёртв.

Но ни крика, ни плача, ничего такого. Да, боль, отчаяние. Но продолжала визжать коварная атмосфера, и лайнер всё неотвратимей накренился вперёд и вправо, рискуя окончательно сбиться с трассы. Нельзя терять времени.

Паша попробовал растормошить дядю Толю, но толстяк в себя не приходил. Придётся всё делать самому.

Ребёнок обернулся, задержал дыхание, обхватил тело отца поперёк живота, стараясь не смотреть на лицо, и с трудом освободил кресло первого пилота. Вытаскивать дядю Толю не было ни желания, ни возможностей – тот весил на Земле за сотню килограммов.

Уложив отца, мальчик сел в кресло и посмотрел на приборную панель – как папа учил. Оживил вспомогательные двигатели. С силой потянул на себя штурвал, выравнивая полёт.

Ожила связь с поверхностью.

– «Енисей», вашу мать, почему молчите?! Что у вас там происходит?! «Енисей», это Ломоносов! Вы принимаете наш пеленг? Вы летите слишком быстро, сбрасывайте скорость!

Одна из двух стюардесс, бывших на борту, в это время сидела в своей каютке, читая сентиментальный роман. Её коллега дрыхла в анабиозе.

Почуввав неладное, стюардесса бросилась в командную рубку и в ужасе застыла на пороге, наблюдая следующую картину: один пилот лежал в кресле без сознания, тело второго проступало в неясном свете под приборной панелью, а на месте первого пилота, намертво вцепившись в непослушный штурвал, сидел двенадцатилетний пацан, силясь выправить летящий навстречу гибели лайнер.

Как папа учил...

Лайнер он тогда посадил.

Пассажиры всё узнали только из новостей. Они так и проспали все приключения в анабиозе. Журналисты пытались поднять шумиху, надеялись дорваться до ребёнка-героя, посадившего космический лайнер в кошмарную грозу, но тот избегал общения, и до самых похорон отца не показывался на глаза.

А потом... Потом всё как-то улеглось, забылось. Годы прошли. Но Павел, мечтавший в детстве пойти по стопам отца, поклялся никогда не садиться за штурвал. Для него этот путь навсегда был закрыт. Забыть о полётах.

Позднее, конечно, впечатления стёрлись, размылись, и теперь он вполне спокойно сидел в кабине пилота, перед ним мерцали узнаваемые огоньки приборной панели. И не страшно совсем. Только пусто как-то в груди.

– «Соболь», это Ломоносов, – оживился передатчик, отгоняя тяжёлые думы. – Почему сменили вектор и скорость торможения?

– А что, нельзя? – нагло ухмыльнулся Александр.

– Семёнов, ты, что ли? Совсем охренел?

– Не выражайся в эфире, Петрович. Ну, просто подправил слегка траекторию. Подумаешь, сядем на семь минут раньше. Ничего страшного.

– Ага, – со скепсисом заметил оператор. – Вас там таких в космосе тысячи болтаются. И всех посадить надо. И всем побыстрее надо. У нас космодром не резиновый.

– Да не бухти ты. Что, мест совсем нет? Или как всегда

половина полос свободна? Ну? Чего молчишь?

– Да что тут скажешь, – вздохнули на Марсе. – Одни там развлекаются, а мне потом нагоняй от начальства. Ох, заменят вас всех когда-нибудь автоматами! На фиг вы там вообще нужны? Давно пора автоматику внедрять.

– Никак нельзя, – не согласился Александр. – Без пилотов не получится. Машина – дура. Случись что, кто принимать решения будет? – Он глянул в поисках поддержки на Павла. – Верно говорю?

– Не знаю, – тихо ответил марсобойщик. – Может, оно и лучше было бы без пилотов?

Он поднялся и под недоумённым взглядом Александра покинул рубку. Настроение было прескверное.

Ломоносов – небольшой научный городок с одним из самых удобных космодромов в Северном полушарии Марса. Отсюда расползались линии дорог к городам и посёлкам. Отсюда уходили экспедиции к Полюсу. И отсюда же улетали на Землю стремительные корабли.

Зимний марсианский вечер, горят огни прожекторов. Сияет огромное здание космопорта, с которым соединялись стыковыми коридорами пассажирские лайнеры. Грузовым кораблям отведено место на задворках бескрайнего идеально плоского поля рядом с ангарами и складскими помещени-

ями. За полукруглыми крышами уже видны плавные очертания эстакад, озаряемые редкими огнями машин.

Павел стоял под днищем корабля и временами поглядывал на выбиравшихся пассажиров. Их было немного, и все двигались сонно, вяло, немного неуклюже. Последствия не только анабиоза, но и низкой гравитации. Они озирались, не вполне понимая, где и в каком времени находятся. Конечно, две недели сна – немалая нагрузка для мозга. А если бы летели год назад, когда Марс находился по другую сторону Солнца, полёт бы занял три месяца. Те ещё ощущения после пробуждения!

Впрочем, все космические трудности позади. Долетели нормально, аварий избежали, груз довели в целости. Аварии, кстати, случаются не так уж часто – всего один-два раза в год. Реже, чем на Земле.

А здесь...

Здесь спокойная и несуровая зима. Она заметно мягче, чем в Южном полушарии. Хотя и лето здесь не такое тёплое, как там. На юге как раз пекло, но поселениями он обделён. Когда-то, лет двести назад, колонизация начиналась именно в южных областях, но из-за низкого давления и больших перепадов температур решено было селиться на севере. Да и интересней здесь оказалось для учёных. Ну, а где учёные, там техники, механики, повара и прочая обслуга. А у них всех семьи. И так далее – родня, дети, знакомые. Тянутся и тянутся ниточки. Двадцать миллионов населения – не так

уж и много, казалось бы, но и Марс не Земля. Тут городов не много. Жизнь тихая, все зависят от работы. Кто-то колет льды, в которых кто-то дороги прокладывает. А потом по этим дорогам развозят грузы от космопортов.

В брюхе корабля громко щёлкнуло, послышался механический гул, и недра трюма стали медленно открываться. Вниз плавно опустилась широкая платформа, на которой громоздились грузы. И среди них отдельно стоял могучий грузовик.

Новёхонький «МАЗ-50»! «Полтинник»! Шикарный восемнадцатиколёсник! Прошёл модернизацию на Земле и вернулся в родимый край. Таких машин на Марсе от силы штук тридцать. Да меньше, наверное!

Павел подошёл к машине и дружески коснулся кабины. Наконец-то можно вернуться к работе!

Обтекаемыми очертаниями грузовик напоминал кабину скоростного поезда. Выкрашен в густо-жёлтый цвет, по которому расходятся красные лепестки нарисованного огня. Прекрасная машина.

– Как самочувствие? – спросили сзади. Павел обернулся и увидел Александра.

– Вроде нормально. – Он покосился на других пассажиров: кто-то покачивался у стены ангара, кто-то приседал, разгоняя по телу кровь, а кто-то неловко бродил, натываясь на товарищей. – Получше некоторых.

– И славно, – сказал пилот. – Слушай, ты меня не подбро-

сишь? Тут недалеко. У меня вылет только через месяц.

– Если ты не торопишься. Надо кой-куда заскочить.

– Не тороплюсь.

Павел задумчиво оглядел грузовик.

– Так куда тебе? – поинтересовался он.

– Бар Джона Надда знаешь? – спросил пилот проформы ради: это место знал любой марсобойщик.

– Погнали, – кивнул Павел и открыл дверцу кабины.

– Сейчас за сумкой сбегая, – сообщил пилот и бодро по-скакал к железному трапу.

По пути заехали на местное кладбище, где Павел разыскал могилу отца. Возложил на могилу цветы, протёр от пыли фотографию на надгробии. Постоял, подумал.

Темно уже. Надо ехать дальше.

Александр тактично молчал, тенью следуя за марсобойщиком. Он чувствовал, что происходящее неким косвенным образом касается и его самого. По пути он вызнал у своего компаньона, что отец Павла был пилотом. Что ж, святая профессия. Кто не летал, не поймёт.

Домики в Ломоносове стояли невысокие, в два-три этажа, иногда с надстроенными метеобашенками. Улочки прямые, широкие – специально для грузовиков. Во дворах росла кое-какая зелень, в основном хвойные деревья и кустарники.

У магазинов грелся народ. Низкие тучи, скрывшие небо, казалось, вот-вот разразятся дождём или снегом. Гулял по улицам холодный пронизывающий ветер.

Надо признать, что зимы здесь не отличались суровостью, а отметка термометра редко падала ниже минус пяти по Цельсию. Сейчас так и вовсе было плюс три градуса. Хорошее место.

Искомый бар стоял на окраине – типичное двухэтажное здание с яркой неоновой вывеской – и носил доброе название «Любовь тунеядца». Павел завернул на стоянку слева от здания и заглушил мотор. Ему и самому нужно было посетить это место. Отметиться, так сказать.

Поправив кислородный воротничок – а без него нельзя – он выбрался на улицу и захлопнул дверь. Рядом стояли другие грузовики, штук десять. Все без прицепов, разумеется.

Вместе с Александром Павел дошёл до главного входа, отметив, что бар ничуть не изменился за те восемь месяцев, пока марсобойщик отсутствовал на Марсе. Это приятно. Возникло старое доброе чувство уюта, почти забытое, но бережно хранимое в сердце.

Внутри обширный полутёмный зал с круглыми столиками, небольшой сценой у дальней стены, где танцевали сейчас какие-то девчонки в легкомысленных костюмчиках, и неизменной барной стойкой слева от входа.

– Ну, спасибо, – сказал Александр. – Бывай.

– Удачи, – попрощался Павел.

Они пожали друг другу руки и разошлись каждый по своим делам. Пилот пропал в сумраке между столиков. Марсобойщик направился к стойке, за которой, меланхолично оглядывая зал, стоял хозяин заведения – сам Джон Надд, которого знакомые с уважением называли дядя Надя.

Джон был известен не только приличным баром, но и пристрастием к кошкам, коих на Марсе вообще было не много. Зато здесь их любили, подкармливали, всячески холили. В общем, баловали. Между столиков «хозяевами» прохаживались усатые мурлыки, с деланным равнодушием разглядывая посетителей. Иногда кто-нибудь из посетителей случайно наступал в темноте на кошачью лапу, и тогда зал озарялся истошным воплем. С последующими извинениями обидчика перед хозяином бара.

Была у забавного соседства марсобойщиков и кошек и отрицательная сторона. Кошки – существа гибкие и прыткие, а при низкой гравитации они и вовсе обретали фантастические качества. И быстро от этого нагтели. Прыгнуть на десять метров – легко! Очень полюбилось пушистым хулиганам прыгать сзади на плечи случайных посетителей. Иногда они промахивались и бухались с разгону в чью-то бедовую голову. От этого росли обиды и недовольство.

Потом, правда, опытные завсегдатаи нашли себе развлечение. Приметив, что некий котяра решил прокатиться на чужих плечах, человек в нужный момент уклонялся или приседал, и зверёк пролетал мимо, долбанувшись со всей ду-

ри в шкаф или сметя со столика посуду. Хохот тогда поднялся громовой.

Дядя Надя за прошедшие восемь земных месяцев ничуть не изменился. Те же длинные тёмные волосы, стянутые в хвост. Узкое лицо. Очки с круглыми линзами и защитным слоем. Короткая борода. Одет как всегда в чёрные брюки и белую рубашку, поверх которой естественным покровом лежала тёмно-красная клетчатая жилетка.

Подошедшему Павлу он улыбнулся как старому другу, тут же поставив перед ним стакан и наполнив безалкогольной шипучкой. Рядом с хозяином прямо на отполированной стойке сидел гладкошёрстый кот по имени Чизес, добрым прищуром зелёных глаз наблюдавший за всем происходящим вокруг.

– Привет, Джон. Здоров, Чиз. – Павел уселся на высокий табурет и с благодарностью принял стакан. Посмотрел вправо, туда, где темнела чуть приоткрытая деревянная дверь. За дверью находился регистрационный терминал для марсобойщиков – очень удобная штука, надо будет туда обязательно заглянуть. – Я смотрю, ты у себя небольшую перестановку сделал.

Дядя Надя улыбнулся шире и довольно кивнул, подхватив очередной стакан. Отличный он всё-таки человек. Добрый, зверей любит, марсобойщикам помогает. Знает четыре языка, в том числе и русский. Жена у него русская. Оля. Тоже хорошая девушка. Хозяйничает сейчас, наверное, на кухне.

– Что-то тихо сегодня, – не глядя на собеседника, задумчиво проговорил Павел. – Тут теперь всегда так?

Джон отрицательно качнул головой, отставил чистый стакан и погладил благосклонно застывшего Чизеса.

– А ребята наши где? – продолжал любопытствовать гость. – Громила? Роберт? Большой Бонус?

Надя махнул рукой – работают, мол.

– Понятно. Обо мне никто не спрашивал? Не просили передать?..

Бармен только пожал плечами.

– Ладно, – вздохнул Павел. Опустошил неспешно стакан – внутри оказалось нечто со вкусом лимона и манго – и легко соскочил с табурета. Объяснил: – Регистрироваться пойду, – и двинулся к намеченной двери.

Джон напутственно показал ему большой палец. Одобряет. Общительный парень!

За дверью другой зал, намного меньше первого. Всю дальнюю стену занимал огромный экран с подробным списком зарегистрированных марсобойщиков, перечнем транспортных компаний и картой дорог Северного полушария. Справа и слева столики с терминальными экранами и клавиатурами. И ни души. Павел сел за ближайший столик и подключился к системе. Отыскал в списке свою компанию, активность которой была заблокирована на всё время отсутствия марсобойщика на планете, и ввёл свои данные в систему.

Логин. Пароль. Подтвердить.

Открыть доступ. Всё, система признала Павла, и теперь компанию можно размораживать. Сведения об этой операции немедленно распространятся по Сети, и на коммуникатор, как надеялся Павел, скоро начнут поступать предложения по заказам.

Фирма: «Добго».

Зарегистрирована: 2224 г.

Адрес: план. Марс, г. Ломоносов, пр. Александра Большинского, 9; тел. 353-532-012-042.

Род деятельности: грузоперевозки.

Хозяин: Манякин Павел Антонович.

Количество водителей: 1.

Водители: Манякин Павел Антонович.

Грузовик (и): «МАЗ-50» (вес 4000, мощность 1200 л. с., макс. скорость 250 км/ч)

Лицензия активирована:...

Павел нахмурил лоб, вспоминая сегодняшнюю дату, и вписал: 25.02.2231 г. По земному календарю, естественно. Год на Марсе длился 668,6 марсианских суток и делился на девять месяцев по 74 дня. Два летних месяца насчитывали по 75 дней, а к третьему летнему добавлялся семьдесят пятый день в високосные годы, коих в пятилетнем цикле насчитывалось аж три – второй, третий и пятый. В високосные годы лето называли длинным. Общая продолжительность двух весенних и трёх летних месяцев в обычные годы всего на один день превышала их астрономическую про-

должительность. Средние солнечные сутки на Марсе делятся на 24 часа и 39 с половиной минут, что более чем на сорок минут больше земных суток, так что здесь, чтобы не переделывать привычные единицы измерения времени, ввели дополнительный короткий час. Удобно и практично. Быстро к этому привыкаешь.

Павел вышел из системы и погасил окошко терминала. Теперь всё. Остаётся только ждать и надеяться, что не придётся долго сидеть без работы. А сейчас можно спокойно посидеть в родном баре, поискать знакомые лица. Может, побродить по ближайшим улочкам, размять тело, попривыкнуть к местной силе тяжести и температуре. Подышать без кислородного воротничка – воздух на Марсе не самого лучшего качества, что и говорить, но он свой, особенный, немного терпкий, но к этому привыкаешь. Словом, хотелось поскорее войти в привычный жизненный ритм.

Только Павел поднялся из-за стола, как о себе дал знать коммуникатор. Быстро же! На экранчике высветился какой-то неизвестный номер. Включив звуковой режим, марсобоищик ответил на вызов.

– Фирма «Dobro».

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался невидимый собеседник. Мужчина в возрасте. Говорил он мягким, приятным голосом и, казалось, улыбался. – Могу я услышать Павла Антоновича?

– Это я.

– Здравствуйте. Меня зовут Ричард Брансон, я представляю один из филиалов компании «Mars Global Incorporated».

У меня есть для вас одно очень интересное предложение.

Ага, вот и «Марсинки» задвигались. Чего им надо?

– Я вас внимательно слушаю.

– Мне неловко просить вас, Павел Антонович, но не могли бы вы подъехать к нам в офис для обсуждения деталей дела? Вопрос несколько щекотливый, мы не заинтересованы в распространении информации.

– Что-то незаконное? – засомневался марсобойщик.

– О, нет-нет, что вы! – Ричард сама предупредительность. – Это эксклюзивный заказ, который мы хотим поручить именно вам. Если вы отказываетесь, то хорошо бы оставить наш разговор в тайне. Это дело имеет некоторые щекотливые нюансы. Однако мы готовы щедро оплатить ваши услуги и возместить последствия любых неудобств, связанных с нашей просьбой.

– Я не привык работать вслепую. – Павел терял терпение.

– Понимаю, но поймите и вы меня: мы идём на определённый риск и немалые убытки, поручая стороннему человеку столь ответственное задание...

– Это не мои проблемы. Извините, мистер Брансон, но я вынужден отказать вам в вашей просьбе. Всего доброго. – Он собрался сбросить вызов.

– Двадцать миллионов! – успел выпалить Ричард, и палец марсобойщика замер над кнопкой.

– Что вы сказали? Я не расслышал.

– Двадцать миллионов марсианских долларов, – терпеливо и спокойно повторил Ричард. Кажется, он снова улыбался. Торжествующе. Двадцать лимонов – это тридцать миллионов рублей или юаней! Сорок миллионов евро или канадских долларов! Неслабенькая сумма!

Павел расстегнул душившую его верхнюю пуговицу рубашки и сел обратно за стол.

– Чем же я могу быть вам полезен? – с хрипотцой выдавил он из себя.

– Все детали узнаете в моём офисе. Подъезжайте прямо сейчас, время не ждёт. Уверен, вы знаете, где мы находимся. На въезде скажете, что прибыли к Ричарду Брансону, вас проведут. Я буду ждать вас. И ваш грузовик. До скорой встречи, Павел Антонович.

– До свиданья, – проговорил Павел и выключил коммуникатор.

Зачем, ну зачем мне это? – подумалось ему. Во что ввязываюсь? Ради чего? Что мне с такой кучей денег делать? Нормально же жил на простых заказах. Сам выбирал, куда ехать, за что братья. Романтика! А теперь даже не ясно, что им от меня нужно. Дурак!

Он покинул регистрационный зал и чуть не столкнулся у барной стойки с Олей. Та засияла.

– Пашка, привет! – маленькая, весёлая, она излучала жизнерадостность и заражала ею других. От сердца как будто

отлегло.

– Приветик. – Павел оглядел старую знакомую. В ней кое-что изменилось, причём в неожиданную сторону. – Смотрю, Джон даром времени не терял. Мальчик или девочка?

– Мальчика ждём, – расплылась она в улыбке, погладив выпирающий живот. – Будет помощник. Маленький смешной марсит!

– Марсит-бандит, – пошутил марсобойщик. – Как богатыря назовёшь?

– Не знаю, Джон выбирает ещё.

– Надеюсь, не Чизесом.

Оля прыснула со смеху, непринуждённо хлопнув Павла по плечу. Отсмеявшись, она пригляделась к собеседнику внимательней.

– Хоспади, ты всё в этом свитере ходишь! Сколько ему лет-то уже?

– Лет десять, – неопределённо крутанул ладонью Павел.

– Давай я тебе его постираю, что ли? – этим вопросом она окончательно смутила собеседника, почувствовавшего себя малолетним плохишом.

– Да стирал я его на днях. В невесомости. – Он поспешил сменить тему разговора. – Лучше расскажи, что у нас тут нового? Как ребята? Обстановка как?

– Всё хорошо, вроде, – после короткой паузы сказала Оля. – Полиция не притесняет. Кошки растут. Громилу тут видела недавно. По делам каким-то спешил. Большой Бонус

вчера заходил, в том зале посидел и тоже куда-то помчался. Заняты все. – Она посмотрела куда-то через плечо Павла, нашла кого-то взглядом в центре зала и сочувственно кивнула: – А вон у Борьки Семёнова неприятность случилась.

– Что такое?

– Заснул ночью за рулём, бедолага. С деревом поцеловался. Теперь сидит без работы, ждёт, пока грузовик из ремонта вернут. Мы уж с Джоном чем можем помогаем. К нему вроде брат должен был прилететь.

Павел чуть по лбу себя не хлопнул. Семёнов. Брат. Ну конечно! Зачем пилоту космического судна заходить в бар марсобойщиков? Обернувшись, он разглядел столик, за которым сидели Борис и Александр. Пилот достал из сумки небольшой торт и теперь расставлял на угощении тоненькие цветные свечки.

Мимо проходил один из завсегдатаев и о чём-то тихо спросил братьев. После чего гаркнул на весь зал:

– Да ты что?! Мужики, у Семёнова сегодня днюха! В натуре!

Зал заметно оживился. Со всех сторон слышались голоса:

– Вот так да!

– Что ж ты молчал?

– Пива!

– Бухать!

– Мяу!!!

Посетители дружно начали придвигать столики.

Павел улыбнулся. Рядом лучилась радостью Оля. Выглянул из-за стойки дядя Надя. В руках хозяин держал кубик Рубика. Ещё ни разу никто не видел, чтобы бармен разрешил головоломку, впрочем, тот, похоже, и не ставил перед собой такой цели. Просто имел привычку всё время что-то вертеть в руках. За что часто становился объектом сальных шуточек, на которые, однако, никогда не обижался. Наоборот, смеялся громче всех, активно кивая – да, признаюсь, грешен! С кем не бывает?..

Оставив кубик на стойке (им тут же заинтересовался местный кошачий бог Чизес), Джон приобнял свою жену, глядя на неё с гордостью и обожанием. Вот она, любовь тунеядца.

– Паш, – спросила Оля. – Ты останешься? Будет весело.

– Извини, – с сожалением вздохнул Павел, и девушка непритворно огорчилась. – И у меня дела.

– Только прилетел, а уже сбегает!

Марсбойщик развёл руками.

– Срочное дело? Серьёзное? – любопытствовала Оля, заглядывая другу в глаза.

– Угу.

– Ты б хоть побрился что ли...

– Некогда! В пути! Постараюсь закончить со всем побыстрей, – пообещал Павел, отступая к выходу. – Обязательно найду ещё. Посидим, в картишки порубимся. Удачи, Оль! – И, уже стоя в дверях, крикнул дяде Наде: – И Джон, смени

ты уже Чизесу имя!

Бармен нервно засмеялся, выдавая свой высокий и сиплый голосок.

Прав был дядя Толя. Лучше ни во что не ввязываться. И откуда такое неприятное ощущение, что назад уже не повернуть?..

– Проходите. Присаживайтесь, пожалуйста. – Ричард пропустил в свой кабинет гостя и указал рукой на одинокий стул, стоявший перед массивным столом. Кроме этих двоих в помещении больше никого не было. Павел огляделся. Небогато, честно говоря. От «Марсинок» ожидалось чего-то более пафосное, показное, блестящее. А так: парочка стеллажей с документами и папками, два календаря – марсианский и земной, несколько портретов в рамочках.

Ричард сел напротив гостя в удобное кожаное кресло, негромко скрипнувшее под владельцем, и склонился над столом, положив подбородок на сплетённые пальцы рук.

Этому человеку на вид было где-то шестьдесят. В глаза бросались такие детали его внешности, как приятная строгость в одежде и привычка улыбаться сквозь плохо снимаемую гримасу усталости. Короткие седые с тёмным отливом волосы аккуратно разведены жиденьким пробором. Морщины делали лицо ещё более хмурым. Глаза, потускневшие

и бесцветные, внимательно оглядывали посетителя.

– Начнём, пожалуй, – решил он. – Скажите мне, Павел Антонович, вы когда-нибудь слышали про такого человека, как Джеймс Форест?

– Боюсь, что нет, – признался собеседник.

– А между тем он является членом Совета Евросоюза и одним из владельцев «Mars Global Incorporated». Это его проект. И его деньги. Вы же помните? Двадцать миллионов.

– Я не забыл, – качнул головой Павел. – Но вы пока ни словом не обмолвились о моём задании.

– Верно. Наберитесь терпения. Я сейчас всё объясню. – Хозяин кабинета негромко кашлянул и посмотрел на один из висевших на стенке портретов. – Мистер Форест коллекционер и большой ценитель древностей. В частности его привлекают экспонаты старинной техники девятнадцатого, двадцатого и двадцать первого веков. Не так давно он начал собирать экземпляры космической промышленности былых лет. Знаете, плоха та коллекция, что не мечтает стать музеем.

– На это уходят деньги компании?

Ричард едва заметно прищурился, искоса посмотрев на Павла.

– А вы не так миролюбивы, как кажется. Но если хотите, я вам отвечу. Да, это деньги компании. Но это благое дело – собирать и охранять достижения наших предков. Это нужно людям, пусть человечество и не всегда способно оценить заслуги былых веков в сравнении с нынешним прогрессом.

Но не о том речь. Вы слышали о марсоходе «Кьюриосити»??

– Что-то слышал. Кажется, его случайно нашли рабочие где-то в Южном полушарии.

– Да. Этот аппарат действовал на Марсе в первой четверти двадцать первого века. Его антикварная стоимость оценивается в шестьдесят миллионов марсианских долларов. Сейчас это один из более двух десятков экспонатов нашей коллекции.

– Понятно. То есть, вы нашли нечто новое в неисследованных землях? – предположил марсобойщик. – Нечто менее ценное, но столь же старое?

– Старое, да. Но насчёт ценности, – Ричард улыбнулся, – вы ошиблись. Наша находка стоит на порядок больше половины всей собранной нами коллекции! Двадцать миллионов – всего лишь плата вам за доставку этой бесценной вещи. Мы с вами заключим договор, и вы станете нашим представителем. В договоре будет указана и ваша зарплата, и владелец находки, то есть мы.

– Чтобы я не присвоил её себе? – выразил обиду Павел.

– О, не поймите неправильно, мы вам полностью доверяем! Ваша репутация безупречна.

Марсобойщик поёрзал на месте, пытаясь разобраться в своих ощущениях. Похоже, не всё так страшно, как казалось поначалу. Его посылают в рейд по бездорожью в богом забытые пески. И платят такие деньги просто за то, чтобы доставить в целости и сохранности какую-то доисторическую

рухлядь. Что ж, это можно. И репутация тут действительно сыграла не последнюю роль: к Павлу и правда никогда не было претензий от нанимателей, и груз он всегда довозил без повреждений. Следует похвалить «Марсинок» за хороший выбор?

– Что же вы такое нашли?

Ричард откинулся в кресле, медленно опустив сухие ладони на подлокотники. Его голос неуволимо изменился, обретя не терпящую пренебрежения серьёзность.

– Прежде, чем я отвечу на ваш вопрос, – неторопливо проговорил он, осторожно подбирая слова, – я хотел бы узнать ваше решение. Вы теперь знаете достаточно, но мы не можем рисковать. На упомянутый мной экземпляр наверняка будут претендовать и другие организации, так что если вы откажетесь с нами сотрудничать, в этом случае я вынужден буду немедленно с вами попрощаться. Либо вы даёте своё согласие, и тогда мы продолжим беседу. Итак? Ваше слово?

Не о чем размышлять. Сомнения остались, но решение, как ни странно, было принято ещё в баре Джона Надда.

– Я берусь за это дело, – твёрдо ответил Павел.

Ричард удовлетворённо кивнул, улыбнувшись одним уголком рта.

– Очень хорошо. – Он вынул из ящика стола тощую папку, положил на стол и подвинул её в сторону гостя. – Это останется у вас. Здесь все необходимые сведения. Если корот-

ко, то речь идёт о беспилотном космическом корабле «Свобода», потерпевшем крушение над Марсом сто шестьдесят лет назад. Это случилось во время Канадо-китайской войны. В том конфликте канадцам, как вам, наверное, известно, помогли америкобританцы. Они посылали свои беспилотники к Марсу для снабжения продовольствием канадских космических баз. «Свобода» была сбита над нейтральной территорией китайской ракетой и до настоящего времени считалась потерянной навсегда. Но несколько дней назад наш спутник обнаружил обломки корабля, отчасти засыпанные песком. Видимо, они обнажились после недавно прошедшей бури, так мы полагаем. И ваша задача заключается именно в том, чтобы извлечь корабль из песка и доставить нам. В целости, как вы понимаете, и сохранности.

Павел полистал папку, мельком изучая документы, и поднял озабоченный взгляд на собеседника.

– Разве корабль не является собственностью Америкобритании?

– Вот в этом и заключается неприятный нюанс, – заговорщицки улыбнулся ему Ричард. – Формально то, что упало на Марсе во время боевых действий, перестаёт быть чьей бы то ни было собственностью. Эта вещь была утеряна и вычеркнута из всех списков. И, стало быть, владелец тот, кто её нашёл. – Он нахмурился и наклонился вперёд, сложив руки на столе. – С другой стороны америкобританцы могут потребовать права на «Свободу». Пусть это уже антиквариат,

но он стоит сотни миллионов долларов! Нам достоверно известно, что они уже в курсе о нашей находке. Корабль с юристами вылетел с Земли десять часов назад. Их представительство штурмует наш офис, но мы пока делаем вид, что ничего не понимаем, тем более что «Свобода» пока не у нас. Надо действовать немедленно, Павел Антонович. В течение двух недель корабль должен стать частью нашей антикварной собственности. Вам в качестве аванса мы выплатим полмиллиона долларов, чтобы вы не стеснялись в расходах. – Он вытащил из кармана платок и протёр усталые глаза. – Если у вас есть вопросы, спрашивайте, я вам отвечу.

– Самое главное: вы до сих пор не сказали куда ехать.

– Ох, да! Забыл! Простите! – встрепенулся старик. – Там, вообще-то, всё есть, – он указал на папку, – но я, конечно, уточню. Цель находится в пятнадцати милях к западу от каньона Эхо.

– Где это? – нахмурился Павел.

– К северо-западу от основной системы Долины Маринера, – терпеливо пояснил Ричард.

– К Маринеру дороги не ведут...

– Не думаю, что для вашего грузовика это составит проблему. В примерном месте расположения «Свободы» мы сбросили маячок с радиусом действия около пяти миль – чтобы не засекали америкобританцы. Если корабль снова занесёт песком, вы будете знать, где искать. К вашему грузовику в данный момент наши техники прицепляют специальный

кран, который поможет вам высвободить корабль из земли. Также вам в услужение отданы два робота, которые освободят «Свободу» от песка. Они полностью автоматические, и сами знают, что делать. Ещё вопросы?

– Да. Почему бы вам просто не слетать туда на дисколёте или теплоплане и не забрать корабль? По-моему, так гораздо быстрее и надёжнее.

– Мы бы с радостью, Павел Антонович, но, увы, местность вблизи корабля непригодна для посадки. Мы даже технику выгрузить рядом не можем. Так что остаётся только один путь: использовать услуги марсобойщика.

– В связи с этим последний вопрос: почему бы вам не задействовать собственных шофёров? У вас их, насколько я знаю, полно. Хороших шофёров на хороших грузовиках.

Ричард деланно развёл руками.

– Мы бы с радостью, но, во-первых, все наши шофёры задействованы в линиях снабжения марсианских городов, а во-вторых, любое отклонение нашего шофёра от графика немедленно попадёт под прицел америкобританцев, и груз может быть перехвачен. Здесь имеет место некоторая опасность. Юридического толка. – Он потёр ладоши и немного оживился. – Вопросы, как я понимаю, закончились?

– Есть ещё один. Почему бы вам не перебросить мой грузовик по воздуху куда-нибудь поближе к месту назначения? Так мы сэкономим время...

– По той же причине, по которой мы не можем использо-

вать собственных шофёров. Мы под наблюдением враждебных нам структур, и как только мы задействуем свои воздушные силы, это станет известно всем.

– А то, что мой грузовик сейчас стоит в вашем ангаре, ничьего внимания не привлечёт? – было сказано с заметной долей скепсиса.

– Думаю, что нет. Вы же искали работу. Мы сделали вид, что наняли вас для каких-то перевозок. Никакой конкретики, как видите. Вас, возможно, возьмут на заметку, но опасаться чего-то более серьёзного не вижу причин.

Павел вздохнул, закрыл папку и, поудобнее её перехватив, поднялся со стула.

– Время, и правда, не ждёт, – сказал он. – Давайте сюда ваш контракт. Я бы хотел поскорее проведать свой грузовик.

Ричард тоже поднялся.

– Очень хорошо. Идёмте со мной. Уверен, наше сотрудничество принесёт прекрасные плоды!

– Не сомневаюсь, – проговорил Павел.

Хотелось бы в это верить, подумал он.

Запись вторая: Свободная любовь

Президент России сегодня встретился с Президентом Украины.

В первый раз, естественно, ничего не получилось...

Команда КВН Харьковского авиационного института

Кто-то из древних греков говорил: «Мудрец спит три часа». Павел себя мудрецом не считал, и вообще был довольно скромного мнения о собственной персоне. Но спал и правда мало. Рассвет ещё даже не забрезжил, а марсобойщик уже выбрался из кабины в предутренний холод и начал разминать заочневшее тело. Присел тридцать раз. Отжался раз двадцать. Покрутил руками вперёд-назад полсотни оборотов. Покачал торс из стороны в сторону. И снова взялся приседать.

Вдох, выдох. Вдох, выдох. Из рта вырывались клубы быстро рассеивающегося пара. Небо, холодное и чёрное, местами заштрихованное лёгкими сеточками облаков, плавно соединялось с космосом, из невообразимых глубин которого проглядывали звёзды. Где-то среди этих звёзд можно отыскать и Землю. Сейчас родная планета недалеко от Марса. Яркая, манящая. Но познаний в астрономии у Павла было, мягко говоря, недостаточно, чтобы отличить её от тысяч других огоньков.

Вокруг на стоянке высились другие грузовики. Стёкла некоторых из них запотели. Корпуса мерцали застывшими капельками льда. Тускло светили в стороне от огня круглосучной закуской, за стеклянными стенами которой тенью сидели без движения двое унылых посетителей.

Надо будет тоже чего-нибудь перехватить перед выездом.

Стоянка для грузовиков располагалась на выровненном склоне холма в стороне от шоссе. По ту сторону дороги вилась змейкой линия фонарей, за которой можно было различить железнодорожное полотно, а ещё дальше несколько домиков и округлые крыши складов. Вдоль шоссе пробежался одинокий человек в спортивном костюме. Тоже не спится, наверное.

Бегом на Марсе увлекались все. Из-за низкой гравитации здесь быстро толстеют. Павел, между прочим, сбросил на Земле больше десяти килограммчиков. Здесь-то он их не замечал, но при нормальной силе тяжести лишнее дало о себе знать. Это и одышка, и заторможенность движений, и неприятная потливость. Тяжко.

Так что хочешь не хочешь, а спортом заниматься надо. Оля вот не заметила, что он похудел. Или, может, ей просто хватило тактичности не говорить об этом? Ну, да, похудел, но не атлетом же приехал назад, в самом-то деле!

Окончив зарядку, Павел устало выпрямился и поёжился. На нём кроме майки, штанов и кроссовок ничего не было, и тепло, разошедшееся по телу после получаса волевых из-

девательств над собой, быстро исчезало. Открыв дверцу кабины, марсобойщик взял полотенце, отёрся, затем нащупал на высоком сидении свитер и куртку и быстро облачился, начиная всерьёз задумываться о завтраке. Очень хотелось чего-нибудь пожевать.

Двое посетителей закуской даже не обратили внимания на вошедшего человека. Павел бесшумно приблизился к автоматам, выбрал на экране нужные ему продукты и всунул несколько купюр в приёмную щель. Автоматы загудели, защёлкали, внутри что-то грохнуло. Послышались глухие удары. Затем открылся небольшой тёмный проём внизу, и всё заказанное, предусмотрительно запакованное в непрозрачный пакет, выехало по ленте наружу.

Павел подхватил пакет, забрал чек, подождал, пока машина отсчитает сдачу, и бодрым шагом направился к своему «МАЗу». Сразу бросалась в глаза непривычная деталь – длинный прицеп с открытым сверху контейнером синего цвета, прятавшим внутри сложенную вдвое руку грузового крана и двух роботов-чистильщиков цилиндрической формы, отдалённо напоминавших дройда из старенького двадцати четырёх серийного кино-сериала «Звёздные войны». Верхний проём контейнера был накрыт неэластичным гласитовым чехлом.

Павел обошёл вокруг прицепа, присмотрелся и, не найдя ничего подозрительного, вернулся в кабину. Разорвал пакет, загрузил снedyю маленький холодильник в брюхе грузовика

и, сжав в зубах бутерброд, уселся на переднем сидении с папкой в руках. Необходимо было внимательней ознакомиться с полученной информацией, наметить план действий, выбрать маршрут, всё рассчитать.

По первому вызову активировался на приборной панели монитор компьютера. Как там звали того мужика, который всё организовал? Кажется, Ричард упомянул некоего Джеймса Фореста. Вот и глянем, что за птица. Наверняка в Сети есть какие-то данные по этой персоне.

Данные и впрямь быстро нашлись, правда, не так много, как хотелось бы. Родом из богатой семьи, корни которой уходили к американским эмигрантам, осевшим в Германии в конце двадцать первого века, Джеймс быстро сделал себе карьеру в политике, проявив такие качества, как цепкость, находчивость, в некотором роде даже бескомпромиссность, позволившие утвердиться на занятых позициях среди конкурентов и прочих соискателей власти. К тридцати пяти уже входил в сотню самых богатых людей мира. Уделял много времени научным разработкам. Вкладывал средства в развитие космической промышленности. В сорок девять основал вместе с партнёрами на Марсе компанию «Mars Global Incorporated», расширяющийся круг интересов которой рано или поздно должен был превратить её в планетарную монополию.

Далее лишь обрывочные сведения. Место в Совете Евросоюза. Представитель Марсианских Колоний, защитник

прав марситов, реформатор, организатор межпланетных форумов. Какие-то связи с военными проектами, тут поток информации практически иссякал. Сказано лишь, что некоторые из последних реформ провалились: власть предрержащие оказали на Джеймса заметное давление, не без оснований опасаясь, что Колонии попытаются добиться независимости от метрополии. Последствия не заставили себя ждать – Марс тут же лишился любых объектов, связанных, так или иначе, с ядерной энергетикой, и теперь обеспечивался бесперебойным потоком поставок с Земли.

Этот последний факт дал толчок к ускоренному развитию такой отрасли, как грузоперевозки, и марсобойщикам меньше всех нужна была независимость Колоний.

Вспомнилась почему-то Оля и её пока ещё не родившийся малыш. Марсит. Марсит-бандит. Какое у него будет гражданство? Как сложится его судьба? Увидит ли он когда-нибудь Землю? Появится ли новая нация на Марсе? Наверное, появится, но не скоро. Не при нас.

Микросреда марсобойщиков напрямую зависела от поставок с Земли, и как бы ни сочувствовали шофёры местному населению, какому бы то ни было изменению дел они были явно не рады. Это же касалось и Павла.

Что ж, с экскурсом в историю, можно считать, покончено. Теперь неплохо бы определиться с маршрутом. Если считать по прямой, то до точки назначения больше шести тысяч километров. Но по прямой ехать не получится: овраги,

каньоны, расщелины – всё это представляет известные трудности. Значит, придётся делать крюк и выбирать для пути более ровную местность.

Карта дорог на мониторе обрывалась достаточно быстро – к Маринеру дороги и правда не вели. А цель, между прочим, находится почти на экваторе. Что делать? Что решить?

Марсобойщик вызвал на экран спутниковую карту поверхности и внимательно к ней пригляделся. Ломоносов находится недалеко от северной полярной шапки. Цель почти у экватора, к северо-западу от гигантской Долины Маринера – колоссальной системы каньонов, очертаниями напоминающей силуэт космического крейсера из всё тех же «Звёздных войн».

Естественно, вначале придётся преодолеть Ацидалийскую равнину, тут и сомнений быть не может. Ацидалийская равнина – крупнейшая обжитая территория планеты, тут полно дорог и скоростных трасс. Тут, если не останавливаться в городах, можно будет разогнаться и до двухсот километров в час и перемахнуть через всю равнину за один день. Половина пути долой! А вот дальше... Нет, пока ещё не бездорожье, но уже и не автострада. И есть не один вариант, где проложить свой маршрут.

Самым естественным, быстрым и простым решением казался путь через высохшее русло древней реки в долине Касэй. Можно было бы, конечно, прорваться через Лунное плато, но там уж точно нет дорог, а местность испещрена высо-

кими продольными хребтами – преодолеешь один и тут же перед тобой уже второй. Невесело. Так что решено, едем через долину Касэй. Русло у реки ровное. По некоторым рукавам даже проложены (или лучше сказать протоптаны?) вполне сносные дороги. Правда, русла уходят на запад, что не приближает марсобойщика к цели, но зато потом поворачивают на юг и выходят прямо к каньону Эхо. Хороший маршрут. Четыре-пять дней, и уже там.

Если, конечно, ничего не случится...

Осталось последнее. Пролистав несколько страниц, Павел внимательно прочитал строчки, касающиеся, собственно, цели всего путешествия. Данные, надо признать, весьма скудные, тут даже широкие возможности спутника не помогли. Но что есть, то есть. Итак, изначальные характеристики «Свободы» – двадцать два метра в длину, на пару метров больше размах крыльев. Корпус цилиндрический, метров трёх в диаметре. Это то, что было известно о корабле до катастрофы.

Спутник же передал иные данные. Самое главное – крылья оторвало взрывом, уже хорошо. Корма разворочена ракетой, то есть кораблик стал короче – тоже нормально. Корпус чуть сплюснен. Просто прекрасно! В контейнер влезет. Правда, кран придётся выгрузить и бросить в пустыне, но ничего, он своё отслужит и будет уже не нужен. Довезти бы только его в целости – чинить его в случае чего будет негде и нечем.

Ох, ну что? Всё, кажется? Тогда в путь! Поехали!

Павел доел бутерброд, спрятал папку под сиденье и взялся за руль. Загудел негромко мотор, свет фар рассёк темноту, и грузовик, шурша колёсами, медленно выехал со стоянки.

Во тьме бегут фонари. Вьётся полотно дороги. Пунктиры разметки сливаются в сплошные линии. На спидометре сто девяносто. Холодно.

Включить что ли радиостанцию? Послушать эфир. Может, кто из старых знакомых откликнется?

Павел щёлкнул по кнопке и обратился в слух. Рация молчала. В общем-то, ночь ещё, на дороге почти никого. Попробовать, может, падать голос? Впрочем, это всегда успеется.

Потихоньку начинало светлеть небо по левую сторону дороги. Звёзды меркли, освобождая место рассвету. Мир обретал чёткость, наполнялся пока ещё однотонными красками. Наконец, из-за горизонта робко выглянуло солнце – небольшое, на треть меньше, чем оно кажется с Земли. Рассветный белый ореол сливался с бледно-розовым марсианским небом, постепенно переходящим в фиолетовый сумрак на западе.

Солнце в этих широтах никогда не поднималось высоко, а уж зимой и вовсе летало где-то у кромки горизонта, словно боясь приподняться поближе к зениту. Так что фонари вдоль главных трасс продолжали гореть и днём, пусть и не так ярко.

Постепенно движение на автостраде усиливалось, становилось всё больше машин. Встречные грузовики приветливо сигналили, и Павел отвечал им тем же. Однообразная песчаная равнина оранжево-красного цвета с редкими кустиками становилась всё более обжитой. Мелькали по сторонам пункты заправки аккумуляторов, небольшие придорожные мотели, маленькие самобытные поселения, и чем ближе к мегаполисам приближался марсобойщик, тем такие поселения встречались чаще. Наконец, начинали подниматься вокруг башенные небоскрёбы, искрящиеся на солнце, фабрики и заводы, испускавшие белёсые клубы искусственных облаков, супермаркеты и офисные центры, битком набитые народом. Проносились мимо вагончики монорельсовой дороги. Автострады сливались в эстакады и поднимались на высоту десятков этажей над городом, откуда открывалась впечатляющая панорама. Отсюда, казалось, рукой можно было дотянуться до спокойно висящих теплопланов, округлые бока которых всецело принадлежали пёстрой рекламе.

Затем дорога вновь приникала к земле, дома становились меньше, будто вращаясь в холодный грунт, и постепенно кругом освобождалось пространство. На окраинах лучились стеклянные оранжереи, под прозрачными сводами которых круглый год собирали урожай. Здесь же на окраинах копошились немногочисленные, но быстро размножающиеся птицы. В основном, голуби и вороны.

И дальше снова открывалась пустынная равнина, выгля-

девшая после разнообразия города скучной и унылой. От одного вида красных песков становилось тоскливо, словно, покинув город, марсобойщик упускал нечто живое, нужное, необходимое. Но что осталось позади – не вернуть, и надо двигаться дальше.

После шести часов непрерывного движения «полтинник», наконец, остановился на заправке рядом с небольшим, в сотню домов, посёлком. И хоть холодильник был полон, Павел всё-таки не удержался и посетил придорожную закусочную, решив приберечь провиант на будущее. К тому же его охватило опасное ощущение вальяжности: его банковский счёт заметно вырос со вчерашнего дня, и расставаться с небольшими деньгами стало как-то легко, как с чем-то не имеющим значения.

Один миллион сто одиннадцать тысяч марсианских долларов. Шестьсот тысяч, накопленные за восемь лет самостоятельной работы, плюс полмиллиона от «Марсинок» в качестве аванса за порученную работу. Ведь подумать только – миллионер! Самый дорогой заказ, который до сей поры выполнил Павел, принёс в копилку восемьдесят тысяч долларов. Тогда он перевозил взрывчатку для одной строительной компании. А тут сразу полмиллиона на счёт! Не глядя! Вот так просто!

Хотя нет, не просто. Работа предстояла хлопотливая, наверняка с трудностями, которые невозможно предвидеть. Радоваться можно будет только по завершении задания.

До тех же пор лучше воздержаться от преждевременной эйфории и всецело сосредоточиться на исполнении дела. Миллионер-сумасброд, коллекционирующий старинные аппараты, сорит деньгами? Это его дело. А у нас своё.

Вспомнилось, как только-только начинал осваивать азы профессии. Устроился по молодости в одну из быстро расплодившихся транспортных компаний, три года гонял на старенькой «десятке», пока, наконец, накопил денег на собственный грузовик и почувствовал в себе уверенность начать новое дело. Открыл фирму, купил за двести тысяч новый по тем временам «МАЗ-32», любовно называвшийся в народе «зубастик», и отправился покорять обширный мир перевозок.

Кто-то шёл иными путями. Брал кредит в банке, чтобы купить грузовик, но Павел решил не рисковать. Пусть он и покрутился достаточно в транспортной среде и вполне изучил местные дороги, но вот уверенности в быстром успехе не имел, понимая, что только упорный труд может дать результат.

Когда-то даже сам для себя решил, что не станет нанимать новых водителей, пока не накопит миллион. Для любого расширения нужен надёжный капитал. Ну вот, теперь миллион есть. Как только «Свобода» попадёт в лапы «Марсинок», и неизбежный шум вокруг этого дела уляжется, можно начинать обзванивать знакомых с деловыми предложениями.

Павла, кстати, некоторые знакомые сами зазывали всту-

пить в стройные ряды под эмблемами различных фирм. Громила звал к себе: его компания «Джон Картер» имела прекрасную репутацию и была на хорошем счету у нанимателей. Приглашали к себе и «Марсинки». Большой Бонус – мировой мужик! – призывал к сотрудничеству под патронажем его фирмы «ГАНГ», но Павел не пошёл, отказался. Пожалел свои начинания.

«Dobro» – это тоже бренд, пусть пока и маленький, почти невесомый.

– Да ладно! – громкий голос одного из посетителей закусочной вывел Павла из раздумий. Он обернулся и увидел сидевших за столиком у окна двух молодых мужчин, что-то оживлённо обсуждавших.

– Да говорю, только сегодня об этом вычитал! Секс! Именно секс! – доказывал второй.

– Не может такого быть, – не верил первый. – Не может. Кекс – вот правильно!

– Угу, – с сомнением кивнул второй. – Ты лингвист, что ли? Я тебе не своё мнение высказываю. Это учёные открыли...

– Учёные, как же!

– Учёные! – с нажимом повторил мужчина. – Они нашли много старинных рукописей, где этот самый процесс называется именно «секс»! А вовсе никакой не кекс! У них тысячи письменных подтверждений!

– Чихал я, – махнул рукой первый собеседник. – Что это

вообще за слово такое – секс? Что оно означает? Бред какой-то. Вот кекс другое дело! Это сладость! Это пышность! Это имеет смысл!

– Думай, как знаешь...

Павел мысленно согласился с приверженцем кекса. Это правильно! Напутали что-то эти таинственные учёные, если они, конечно, существуют не только в воображении того малого.

Допив остывший кофе и затолкав в рот малиновый пирожок, марсбойщик отряхнул ладони, поднялся из-за стола и покинул закусочную, машинально поправив кислородный воротничок.

Он заметил её на выезде из маленького городка под названием Счастье. Она стояла на пустой автобусной остановке под кислородным зонтиком, опустив левую руку на тонкую сумочку, а второй придерживая забавную шляпку из искусственной соломы. Её каштановые локоны легонько развевались на слабом ветру.

Светлое платье эротично облегалo стройную фигурку. Красивые ножки, нескромно увенчанные короткой юбкой, обуты в простые, но в то же время элегантные сандалии. Тонкие, приятные черты лица, чуть вздёрнутый носик, улыбающиеся глазки. Очень кексуальная особа! Глядя на неё, начи-

нало щекотать внизу живота.

Незнакомка оторвала руку от шляпки и вскинула в требовательно-просящем жесте. Остановиться что ли? Уместно ли будет брать попутчика... то есть, попутчицу, не закончив начатое? А может это и не путешественница по бескрайним марсианским просторам, а марситутка? Тогда тем более едем мимо! Павел всегда был против подобных развлечений.

Он ещё не успел разогнать грузовик до действительно высокой скорости, но всё равно силуэт прекрасной незнакомки пролетел мимо слишком стремительно, так, что марсобойщик даже не успел разрешить своих сомнений, да и поздно уже решать.

В зеркальце заднего вида было видно, как девушка гневно махнула рукой и подпрыгнула на месте, негодуя на равнодушного шофёра. Чего это она? И в самом деле, ну какая она марситутка?

Павел, поколебавшись секунду, ударил по тормозам. «Полтиннику» это явно не понравилось, он зашипел колёсами, поднимая с дороги облака пыли, и со скрипом застыл, качнувшись на рессорах.

Девушка, надувшись от гордости, не спеша приближалась плавной походкой – насколько плавной, насколько это вообще возможно при низкой гравитации. Она нахально вздёрнула подбородок, чувствуя себя оскорблённой посмевающим не сразу затормозить водителем. Павел терпеливо ждал, отчего-то замерев, словно предвкушая нечто необычное, ска-

зочное, оригинальное.

Открылась дверца. Девушка с неожиданной ловкостью забралась в кабину, принеся с собой ароматы весенних лугов, и, не глядя на водителя, устроилась на сидении. Бросила коротко:

– Поехали, – и уставилась со скучающим видом в окно.

Павел сидел, ожидая ещё каких-нибудь слов, но, отчаявшись, стронул машину с места. «Полтинник» быстро набирал ход.

– Куда едем? – бодро спросил марсбойщик, вдруг почувствовав в своём голосе хрипотцу.

Вид обнажённых коленок, пойманный боковым зрением, не давал сосредоточиться.

– Нью-Вегас, – неохотно ответила незнакомка, сняв шляпку и спрятав ею колени. Павел почувствовал себя спокойнее.

– Это на равнине Хриса? Хм. Нам несколько не по пути. Высажу вас в Полестали.

Она наконец-то взглянула на него, бегло отметив его неопрятность: мятый свитер, недельная щетина, тёмные круги под глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.